

народ. Наконец, мост времен, как известно, выстраивается через веру, духовные качества каждого человека и общества в целом, через то, что вкладывали в эти понятия предыдущие поколения, – храмы, монастыри, православные сокровища России и Урала как ее отдельного региона.

Учащиеся могут использовать представленный в изданиях материал в ходе самостоятельной работы, брать за основу для написания рефератов, подготовки докладов и сообщений. Материалы из упомянутых изданий можно использовать также в качестве первого шага для создания исследовательских работ и проектов, т.к. каждое издание, помимо содержательного блока, содержит обширную библиографию по истории Урала в целом.

Примечания

¹ На государственной дороге: Культурно-исторические очерки / Колл. авт. Екатеринбург, 2000. 304 с.

² Корепанов Н.С., Блинов В.А. Город посредине России: Культурно-исторические очерки. Екатеринбург, 2005. 368 с.

³ На государственной дороге: Культурно-исторические очерки / Колл. авт. Екатеринбург, 2000. С. 69.

⁴ История Урала. Словарь-справочник. Екатеринбург, 2006. 432 с.

⁵ Кулагина Г.А. Веселая энциклопедия уральских следопытов: 100 игр по истории, культуре, географии Урала / общая ред. и научн. перераб. И.С. Огоновской. Екатеринбург, 2004. 512 с.

*Ф.В. Бондаренко
(Екатеринбург)*

Особенности взаимоотношений религии и государства в Пермской губернии (XVIII–XIX вв.)

Проблема поиска новых духовных ценностей современного российского общества все чаще заставляет обращаться к историческим нормам страны. Мораль, пришедшая с запада на волне перестройки, оказалась не во всем приемлемой для российского менталитета. Угар от массовой культуры быстро заполнил бездуховное пространство, однако, пусть и не столь быстро, все же отступил. Справившись с постреформенным кризисом общество начало поиск выхода в становлении экономического развития и одновременно в обретении новых морально-ценностных ориентиров. На этом пути неизбежным стало возвращение к православным духовным началам и пириоким масс, и интеллектуальной элиты.

На этом пути следовало в том числе избежать накопленных ошибок во взаимоотношении религии и власти. По мнению В.П. Булдакова, «в православной империи восходящей к Византийским образцам, духовное начало обязано органично соотноситься с другими

управленческими иерархиями. Согласно 6-й новелле Кодекса Юстиниана идеал христиански-имперской государственности состоял в «симфонии» священства и царства – власть обретала силу и смысл своей деятельности в служении Всевышнему. Трудно вообразить более разительный пример неуклонного разложения этой идеи, чем Российская империя»¹.

Переломный период взаимоотношения церкви и государства относится к эпохе Петра I², и связано это с его от 28 апреля 1722 г. Синод обязывал открывать тайну исповеди, если прихожанин признавался в намерении совершить воровство, измену или бунт против государства, «злое умышление» на честь или здоровье государя или его семьи. Заключив союз с государством, православная церковь возложила на себя миссию по проведению державной идеологии. Выпускник Пермской семинарии, отечественный историк А.В. Карташев так характеризовал данный феномен: «Особый Синодальный Период не схоластическая условность, а естественно сложившаяся, своеобразная по своей новизне эпоха в развитии русской церкви. <...> По сравнению с предыдущим, патриаршим периодом, за время синодального периода Русская Церковь почти десятикратно возросла количественно. <...> Этот количественный рост не есть только автоматический результат роста населения. Это и результат активного систематического внутреннего и внешнего миссионерства Русской Церкви в такой мере, как никогда еще ею раньше не практиковалась. <...> Словом, по всем внешним и внутренним признакам, следует дать отставку односторонне-пессимистической оценке синодального периода и увидеть в нем высшее, исторически восходящее выявление духовных сил и достижений русской церкви»³.

Совсем другую характеристику данному периоду дал представитель течения славянофилов И.О. Аксаков: «...убыла душа; подменен идеал, т.е. на месте идеала церкви очутился идеал государственной, и правда, внутренняя замещена правдой формальной, внешней». И еще: «Церковь со стороны своего управления представляется теперь у нас какой-то колоссальной канцелярией, прилагающей с неизбежной, увы, канцелярской ложью порядки немецкого канцеляризма к спасению страда Христова»⁴.

На примере Пермской губернии можно видеть, как миссионерская деятельность русской православной церкви в XVIII–XIX вв. привела к непрогнозируемым результатам.

Данная территория в сфере взаимоотношений церкви и государства развивалась в русле общероссийской тенденции, хотя можно отметить ряд особенностей.

1. Большая численность жителей не была официально связана с русской православной церковью. Это – старообрядцы разных согласий (беспоповщина, (бегло)поповщина, в дальнейшем трансфор-

мировавшиеся в часовенное согласие), мусульмане (татары башкиры), языческие группы (марийцы, удмурты, чувашаи, ханты, манси), протестанты и большое количество всевозможных сект (хлыстовщина, скопчество, иеговисты-ильинцы).

2. Дефицит в крае кадров служителей русской православной церкви. Если в центральных регионах России наблюдался избыток представителей духовенства, то на Урале кадровый вопрос стоял очень остро, а с введением обязательного окончания полного курса семинарии для рукоположения в священники резко сократилось количество кандидатов на священнические места. Так, в августе 1830 г. епископ Мелетий отмечал: «В Пермской епархии недостаточно окончивших курс семинарского учения для занятия праздных священнических мест, и что таковых окончивших курс излишних в ближайших епархиях не оказалось». В октябре того же года Мелетий вновь обратился к синоду с рапортом о том, что все выпускники семинарии «уже распределены на священнические места, и еще остаются праздных священнических мест при церквях Пермской епархии 63, а из диаконов и причетников, обучавшихся в среднем и низшем отделениях семинарии оказалось только 12 человек, кои по летам и поведению могут быть удостоены священнического сана», и просил разрешить в порядке исключения рукополагать «и из не обучавшихся в школе диаконов»⁵.

В городах губернского и уездного масштаба клириков еще как-то удерживала возможность безбедного проживания, а сельским священникам приходилось очень туго. Особенно дурной славой у местного клира пользовались Чердынский и Верхотурский уезды. И уж вовсе не благоприятным было положение дел у священников, приходы которых составляли раскольничьи села. Например, весьма сложной оказалась во второй половине XVIII в. судьба священника Екатерининского собора г. Екатеринбурга П. Флоровского. Свое тяжелое положение он описывал «по протопопскому званию» в духовное правление: «... претерпеваю и с домашними моими за неимением никакого от треб, яко же прочие, доходу крайнюю скудость и в пропитании с оными домашними моими оскудение»⁶. Более одного года П. Флоровский добивался справедливого раздела дворов в приходе. В результате руководство духовного правления во главе с Ф. Кочневым решило наделить этот приход 197 дворами в раскольничьих селах – Шарташское, Становое, Сарапульское.

Справедливо отметить, что и нравственный облик церковных служителей не всегда отвечал православным канонам. Так, упоминавшийся нами П. Флоровский после определения в Богоявленскую церковь проявил свои не очень высоконравственные качества: «За ним числилось множество прегрешений: присваивание денег из церковной кассы, а также строительного леса ... Но, пожалуй, самым

диким его поступком была попытка закабалить 12-летнюю Матрону Немчинову, дочь демидовского приписного из Чубаровской слободы. Девочка была насильно обвенчана, подвергалась истязаниям. В конце концов ей удалось бежать и добраться до губернатора Чичерина. Новый глава Екатеринбургского заказа протоиереем Афанасий Воинственских добился высылки П. Флоровского из Екатеринбурга, «дабы от него более беспокойств не умножалось»⁷.

Следует, однако, отметить, что за чистоту своих рядов церковь боролась весьма рьяно. Даже после отмены на рубеже XVIII–XIX вв. телесных наказаний для провинившихся сохранились исключения из сословия, «извержение из сана», «отсылка в труды», денежные штрафы, отправление на работы в архиерейский дом, постриг в монахи, епитимьи. Хотя встречались и совсем диковинные: «В 1797 году уже запрещенный в служении диакон Иван Володимиров за пьянство и за заклад платья своего в питейный дом для питья вина содержан был в духовном правлении в цепи». За год до него той же участи и тоже за пьянство подвергся двадцатичетырехлетний дячок Стефан Антропов. Такие яркие примеры «мер воздействия» встречаются в архивных документах⁸.

3. Уральский регион имел довольно большое количество маргинального населения как в социальном, так и в духовном состоянии. Так, Н.С. Корепанов отмечает, что в последней четверти XVIII в. конец казенного строя жизни, «ослабление всеобщего отягощения заводскими работами привел прежде всего к лавине корыстных преступлений и воровской романтики»⁹. Самые разнообразные преступления захлестнули прежде всего города. Так, в Екатеринбурге отмечались кражи продовольствия, имущества, казенного золота. Была разоблачена одна из первых «этнических группировок» – польских конфедераторов, занимавшихся мошенническими операциями с драгоценными металлами. Верхом святотатства стало убийство церковного сторожа в Богоявленской церкви в феврале 1784 г. мастером монетного двора.

Забота о нравственном состоянии общества на Урале в этот период особенно ярко выразилась в развитии строительства храмов. Заметное его оживление пришлось на время пребывания в сане епископа Аркадия: при его вступлении в управление Пермской епархией в 1831 г. насчитывалось 440 церквей, а через 20 лет уже более 600. Но большинство городских обывателей оставалось в стороне от этих процессов. Так, в Екатеринбурге после пожара 26 сентября 1747 г., в котором сгорела одна из екатеринбургских церквей, город надолго лишился возможности проводить службы в нормальных условиях: в городе сохранилась одна небольшая деревянная Богоявленская церковь. Однако не было заметно, что екатеринбургские обыватели от этого сильно страдали. Довольно прохлад-

ное отношение прихожан к посещению служб отмечал и митрополит Антоний, говоря о медленном строительстве этого храма: «Не так от скудости, как от крайнего их, обывателей, к Церкви святой недоброхотства, толкиком множественного числа народом достроить оной церкви без остановки будто не могут»¹⁰.

4. Большое влияние на формирование местного религиозного менталитета оказывало старообрядчество: выдавливаемая государством из центральных и северных районов России эта часть населения на Урале нашла временное убежище. Но к 50-м гг. XVIII в. положение переселенцев резко ухудшилось. В 1746 г. в деревне Шарташ была обнаружена тайная раскольничья часовня. Громкое дело, посвященное данному факту, и подушная ревизия 1747 г., заставили вертеться репрессивное государственное колесо.

Лишь в начале 60-х гг. удалось погасить разгул антистарообрядческих страстей, в этом стремлении объединили свои усилия местные горные власти и представители местного церковного клира. Надворный советник Арцибашев на офицерской вечеринке заявил: «Пустая и неправильно производится комиссия». Протопоп Кочнев, не таясь, отчитывал присланных священнослужителей: «Имеют неприличные поступки, делают раскольникам самовольные обиды и в Церковь святую напрасно принуждают». В результате деятельность комиссии свернутой за год, а во времена Екатерины II ничего подобного уже и не начиналось. Хотя в Тыну до 1765 г. томились последние 7 старцев и около двух десятков стариц¹¹.

На рубеже XVIII–XIX вв. была предпринята попытка подчинить раскольников через принцип единоверия. Законодательно это было оформлено «Правилем единоверия», Высочайше утвержденным 27 октября 1800 г. Хотя особых успехов это не принесло, так как обе группы верующих решали скорее свои меркантильные проблемы. В Екатеринбурге сугубо религиозное противостояние переросло в борьбу купеческих семей. Строительство первой единоверческой церкви Спасской было завершено в 1813 г. Организатором и главным дарителем был влиятельный единоверец Яков Толстиков. Работы велись в пике известной купеческой семье Казанцевых, которая в это время боролась за строительство истинной старообрядческой церкви, но план реализован не был.

В дальнейшем внедрение идеи единоверческой церкви шло с переменным успехом. «Особый всплеск» записи в единоверие произошел 30 и 31 декабря 1854 г., что было связано с дальнейшим запретом записывать старообрядцев в купечество. Но ситуация коренным образом не изменилась. Так, бывший в Екатеринбурге проездом в 1870 г. красноярский епископ Никодим по этому поводу посетовал: «Главные богачи, миллионеры – почти все раскольники. Православные же – работники!»¹²

Изменившийся подход к старообрядчеству со стороны государства и русской православной церкви позволил сохранить свои устои древнего благочестия от кровавых и жестоких петровских времен и экономического и социального давления в XIX в. Однако наметилась трещина по отношению к единоверчеству. Так часть верхушки екатеринбургского купечества долгое время противилось становиться прихожанами Рязановской церкви, таковыми были: Аникий Терентьевич Рязанов, Гавриил Фомич и Владимир Нирилович Казанцевы, Савва и Иван Лукичи Тарасовы, Степан Иванович Баландин, Яким Яковлевич Харитонов. При этом при переходе в единоверчество официальную подписку о расставании со старообрядчеством давали только главы семей, женщины и дети этого за частую не делали, что позволяло продолжать придерживаться истинной веры.

Есть примеры позволяющие считать, что горожане продолжали прибегать к услугам священников-старообрядцев. Так в 1846 г., когда скончалась дочь А.Т. Рязанова Олимпиада, официально считалось, что поскольку она умерла без напутствия священника, значит – без отпущения грехов. В связи с этим архиепископ Пермский Аркадий в своем письме Г.Ф. Казанцеву порицал ее родителей: «Мать Святая Церковь не напутствовала ее чрез своего благословенного иерея ни прощением грехов, ни приобщением тела и крови Христовой! Сугубая скорбь, такая утрата! ... От избытка горестных чувств не должен ли я сказать: «Вот родители! Отроковица и невинная по вашей вине умерла, умерла виновною навеки!»¹³.

Такая двойственность в отношениях с религией приводила к росту равнодушия к единоверческой церкви. Екатеринбургский епископ Мелхиседек еще в 1835 г. писал о такой опасности обер-прокурору Синода Д.С. Нечаеву: «Многие из наших старообрядцев как будто сами охладели к себе и к своему состоянию. Несмотря на необыкновенную уклончивость от всякого сообщения, кажется, многие из них сами желали бы какого-либо особенно переворота, который бы их, так сказать, переродил и вывел из настоящего положения. Точно многие, особенно из достаточных здешних старообрядцев, начинают показывать себя плохими старообрядцами. Общественные собрания, клубы, карточные заседания редкого из них не занимают, они готовы идти во все собрания, кроме церкви». По мнению первого екатеринбургского епископа, подобные настроения «могли перейти в... состояние равнодушия ко всему священному». Старообрядцы «обмирщались», по замечанию одного из журналов, все больше становились «достойными гражданами и людьми, нечуждыми общественных удовольствий»¹⁴.

Политика уступок и компромиссов с государством на протяжении XVIII–XIX вв. со стороны Русской православной церкви не при-

вела к желаемому результату: она не стала основой мировоззрения граждан Российской империи. Так, к концу XIX в. в Пермской губернии, не сумев преодолеть кризис раскола, православие столкнулось с новым явлением – сектантством: хлыстовщиной и иеговистами. Все это еще больше разрушало религиозное самосознание обывателей. Попытка монополизирования духовной сферы со стороны одной конфессии, заручившись поддержкой государства породила нигилистическое настроение по отношению к религии у разных слоев населения Урала. Государственный кризис в России начала XX в. ярко продемонстрировал это. Православие не смогло поддержать самодержавие, а под обломками данной государственной модели на грани уничтожения оказалась и сама церковь.

Советское государство за 70 лет своими «идеологическими поведями» нанесло сокрушительный удар по православным устоям. Патриарх Московский и Всея Руси Алексий отмечал в своем интервью: «Государство во имя атеизма воздвигало гонения на иерархов, священнослужителей и мирян, многие из которых приняли мученическую кончину, особенно в 20–30-е годы. Все это трагически отразилось на церковной жизни людей: многие верные больше не могли ходить молиться, были закрыты или разрушены, а иногда даже взорваны многие храмы и монастыри. Отсутствовало богословское образование. Если говорить более конкретно, главная цель была в том, чтобы нравственно сломать русский народ. Эта атеистическая пропаганда в конечном итоге способствовала разрушению всякого религиозного чувства, всякой духовной основы и духовных ориентиров. Она разбила душу народа»¹⁵.

Развал СССР, отказ от коммунистической идеологии позволили вновь обратиться к иным мировоззренческим моделям. Но мы вновь наблюдаем, что, пройдя тяжелейший путь страдания и самоочищения в советское время, русская православная церковь как и прежде пытается стать первой среди равных. Осознавая, что на современном этапе нельзя игнорировать основные мировые религии, убедившись, что толерантность является залогом успешного существования в мире, она, заручившись поддержкой со стороны государства, продолжает попытки занять доминирующее положение в современном обществе: это и предложение внедрить курс православной культуры в общеобразовательную сферу, не всегда адекватное противостояние новообразовавшимся верованиям и культурологическим явлениям. При этом не учитываются глобальные изменения в духовной сфере мирового сообщества. Вместо длительной, кропотливой работы по возрождению истинных православных ценностей как внутри самой церкви, так и среди граждан в целом, внедряется лишь ширококомасштабная миссионерская деятельность. Однако ни сама церковь, ни население нашей страны к этому пока не готовы.

История Пермской губернии XVIII–XIX вв. может служить иллюстрацией того, что религиозный фактор в процессе модернизации не потерял своих позиций. Религиозная терпимость уральских обывателей свидетельствовала о возможности толерантного отношения к приверженцам иных верований. Еще Блаженный Августин в IV в. говорил: ... «вчера», «сегодня», «завтра». Есть настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящего будущего, и интерес нашего настоящего обуславливает наш интерес к прошедшему, потому что мы думаем о будущем»¹⁶.

Примечания

- ¹ Отечественная история. 2007. № 5. С. 16.
- ² Там же. С. 7.
- ³ Харитонов Е. Д. Духовно-нравственное воспитание в учебных заведениях Перми до 1917. Веки христианской истории Прикамья. Материалы чтений, посвященных 540-летию крещения Перми Великой. Пермь, 2003. С. 57.
- ⁴ Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. Т. 2. М., 1992. С. 375.
- ⁵ Мангилева А. В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX века. Екатеринбург, 1998. С. 70.
- ⁶ Манькова И. Л. Храм в сердце и памяти. Екатеринбург, 2000. С. 51.
- ⁷ Там же. С. 52.
- ⁸ Мангилева А. В. Указ. соч. С. 190.
- ⁹ Корепанов Н. С. Город Екатеринбург. Выпуск 22. Екатеринбург, 2003. С. 16.
- ¹⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1203. Л. 616.
- ¹¹ Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. С. 95.
- ¹² Злоказов Л. Д., Семенов В. Б. Старый Екатеринбург. С. 297.
- ¹³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 171.
- ¹⁴ Миненко Н. А., Апракимова Е. Ю., Голикова С. В. Повседневная жизни уральского города в XVIII – начале XX века. М., 2006. С. 270.
- ¹⁵ www.pravoslavie.ru
- ¹⁶ Отечественная история. 2007. № 5. С. 6.

*С. В. Любичанковский
(Екатеринбург)*

Конфессиональная проблематика в деятельности губернских правлений Урала позднеимперского периода (конец XIX – начало XX вв.)*

Организация нормальной деятельности религиозных организаций лежала в позднеимперской России не только на плечах руководящих церковных органов, но и входила в сферу ответственности губернской администрации, в том числе «высшего в губернии» присутственного места – губернского правления.

*Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-200.2007.6